

Посвящается Киарану

Глава 1

Я не могла оторваться от видеозаписи своей смерти, выложенной в интернет. Мама твердила, что это ужасно и я не должна на это смотреть. Я понимала, что она права, но каждую ночь, прежде чем заснуть, я накрывалась с головой одеялом, убавляла звук телефона до шёпота и сворачивалась калачиком над крошечным экраном. Достаточно было нажать лишь первую букву моего имени — остальное выпадало само.

Аделин Спенсер. Несчастный случай на соревнованиях по фридайвингу¹.

¹ Фридайвинг — подводное плавание с задержкой дыхания. Эта самая старая форма подводного плавания до сих пор практикуется как в спортивных, так и в коммерческих целях (*здесь и далее примеч. переводчика и редактора*).

Переполненная людьми лодка качается возле квадратного участка океана, отгороженного белыми пластиковыми трубами. Ослепительный тропический день, аквамариновые волны отражают солнечный свет. Я как раз должна закончить погружение на шестьдесят три метра — глубину, равную девятнадцатипятиэтажному дому. Ни груза, ни ластов, всё зависит только от моего тела.

Все кричат.

Не от восторга. *От ужаса.*

На линзу объектива попадают капли воды. Трое ныряльщиков — моих пугающих дайверов — вырываются на поверхность и тащат меня за собой. Мои глаза распахнуты и неподвижны, рот разинут.

— Дыши, Адди, дыши!!! — кричат они.

Но я не дышу. На видео вода и паника, изображение пёстрое из-за морской соли. Камера наезжает на моё лицо, фокусируясь на розовой пене, стекающей из угла рта. Тонкая струйка делается всё толще, розовый цвет сменяется алым, и все в лодке замолкают. Мама бросается в воду и плывёт ко мне прямо в нарядном летнем платье. Её широкополую шляпу уносит в открытое море.

Один из спасателей вытирает кровавую пену и прижимается ко мне ртом, резко выдыхая воздух мне в лёгкие.

— Дыши! — надрываются все в лодке. — Адди, давай же! Дыши!

Я слышу их сейчас, но не слышала тогда. Это никак не укладывается у меня в голове. И заставляет прокручивать видеозапись снова и снова. Я вижу себя: вижу своё тело — но не думаю, что нахожусь

внутри его. Я не понимаю, что это значит, куда я могла уйти, если внутренняя сущность покинула моё тело. И всё из-за собственной глупости: вместо того чтобы отвернуться от пережитой боли и идти дальше, я пытаюсь прорваться сквозь неё.

Запись кончалась на том, как меня поднимают в лодку. Мне сказали, я была мертва в течение восьми с половиной минут. Но я не помню ни яркого света, ни бесконечного туннеля, ни тепла, ни безусловной любви, которые, как это принято считать, ждут нас после смерти. Не было ни ада, ни рая, ни чего-то другого между ними. Просто из моего существования пропали пятьсот десять секунд. Я упрямо жала на кнопку «пуск», снова и снова прокручивая запись, но так и не приблизилась к разгадке. Мне не давал покоя вопрос, ответа на который не было.

Куда я тогда ушла?

Глава 2

Остров Евлалии имел форму полумесяца, внутренняя дуга представляла собой полосу сахарно-белого песчаного пляжа под сенью качающихся пальм. За пальмами начинался лес, столь густой и полный жизни, что для него явно не хватало простого слова «зелёный». Запах гниющих водорослей и тропических цветов, заполнивший нос

и лёгкие, был таким густым, что хотелось откашляться.

Рядом со мной стоял принайтовленный¹ к причалу гидроплан. Перелёт от Санта-Томаса был долгим, над бесконечной чередой островов, становившихся всё меньше и всё ниже, так что под конец пропали из виду и последние клочки песка. Ещё долгое время мы парили в безоблачном небе над бесконечным простором океана, окружённые одной лишь синевой. И мне стоило немалых усилий подавлять то и дело возникавший порыв распахнуть дверцу самолёта и ринуться в эту синеву.

Но я этого не сделала. И вот теперь мы здесь. На нашем личном острове, который станет моей тюрьмой на следующие две недели. Я — пятое колесо в экипаже маминогo медового месяца с человеком, носящим шорты цвета хаки и ремень с тиснёными китами. Она ужасно боялась оставлять меня одну после травмы из-за несчастного случая, и я, хоть и не признавалась в этом, тоже была рада, что меня взяли с собой.

— Ну же, детка! — Мама призывно махала мне с пляжа одной рукой, другой обнимая за талию Дэвида. Мне казалось неправильным, что какая-то двадцатиминутная церемония делает меня чьей-то дочерью, пусть даже приёмной. Но мама планировала этот медовый месяц чуть ли не год, и я не собиралась разрушать её планы. Я стянула с запястья резинку и скрутила потные каштановые волосы в узел на макушке.

¹ То есть привязанный.

— Не стесняйся, Адди. — Кен Карпентер, борода-тый смотритель острова, помогал пилоту сгружать с гидроплана наш багаж. — Мелинда проводит вас в дом и всё покажет, а потом мы принесём вещи.

— Вот увидишь, тебе понравится! — Его жена, женщина в бесформенном кафтане с начинающими сесть волосами, ободряюще мне улыбнулась. Похоже, все здесь успели узнать о том, что со мной случилось, и это одновременно смущало меня и облегчало ситуацию — по крайней мере, не требовалось объяснять постоянно повторяющиеся приступы жёсткого кашля. Оставив позади гидроплан — и эту невероятную бирюзовую воду, в которую мне не дано было погрузиться, — мы пошли по пляжу. Каменная дамба выдавалась в море ещё дальше, чем пирс, и на её конце стоял белый маяк.

Запах цветов так усилился, что я ощущала его на вкус: приторный, липкий, с какой-то чуть ли не гнилостной ноткой. Он делался всё гуще по мере приближения к лесу, и я громко сглотнула, а потом сделала шумный вдох.

Не кашлять!

— Разве это не прекрасно? — повторяла мама. И я кивала ей с приклеенной улыбкой.

— погоди, ты ещё не всё видела, — подхватил Дэвид, хотя он сам никогда не бывал здесь раньше.

Мелинда повела нас по утоптанной тропе сквозь чащу леса, и под плотными листовыми сводами нам пришлось ждать, пока глаза привыкнут к царившим здесь сумеркам. Мама схватила меня за руку.

— Ох, Адди, взгляни!

Белые цветы распускались буквально повсюду: гибискусы, лилии, амариллисы и ещё куча каких-то, названий которых я не знала. Они закрывали собой кусты, пробивались сквозь почву под ногами, карабкались по деревьям на гибких лианах. И не было ни одного цветка, ни одного бутона не белого цвета. Я сделала глубокий медленный вдох, неистово борясь с одышкой. *Я не испорчу* эту поездку! Только не после того, как чуть не заставила маму отменить свадьбу.

— Очень мило, — выдавила я.

Мелинда отвела от лица цветов.

— В лесу очень влажно, но вы не расстраивайтесь. В доме всегда лёгкий сквознячок.

Я замедлила шаг, чтобы отдышаться, чувствуя жаркие солнечные лучи, пробивавшиеся через прорези в гигантских веерах над головой. Воздух звенел от тысяч птичьих голосов, хотя я не видела ни одной птицы. Интересно, они все такие же белые, как здешние цветы? Несмотря на их красоту, мне не терпелось поскорее попасть в дом, где обещанный сквозняк выдует наконец из лёгких этот цветочный дух.

Впереди Мелинда, Дэвид и мама уже поднимались по каменной лестнице, но я не чувствовала в себе достаточно сил на такой подъём. Лицо горело и мёрзло одновременно, а перед глазами плясали чёрные точки. Я наклонилась, опираясь руками на колени. Если уж я смогла научиться не дышать в течение семи минут, я могу научиться не кашлять. Я могу научиться снова быть здоровой. Это лишь вопрос контроля. Победа духа над плотью.

Постепенно желание очистить лёгкие отступило, я выпрямилась и прислонилась спиной к толстому стволу старого дерева.

Закрыв глаза, я сосредоточилась на дыхании и стала мерно дышать, стараясь успокоиться. Я потянулась к внутреннему центру, к точке тишины, но, как и всегда в последнее время, только разбудила память о катастрофе. На меня налетел рой тревожных мыслей, жаливших напоминаниями о том, что я теперь другая. Что я *стала* другой, хотя до сих пор и не имею понятия, что со мною случилось, пока я оставалась мёртвой.

Что-то вырвало меня из задумчивости, вернув в наполненный цветами лес. Я поняла, что здесь стало слишком тихо. Даже птицы замолчали. Не было слышно гуденья насекомых. И тут за спиной у меня раздался шелест, и детский смех взорвался, как будто открыли музыкальную шкатулку.

— Кто здесь? — окликнула я.

Волоски на шее поднялись, как будто под чьим-то взглядом: но если за мной кто-то следил, он легко мог укрываться в этом хаотичном сплетении растений. То есть стоять буквально на расстоянии вытянутой руки — и я всё равно никого не увижу.

— Эй! — повторила я. — Кто здесь?

И снова зазвучал этот смех, тонкий и какой-то визгливый, совершенно не похожий на птичью трель. Это смеялся человек.

Листья вдруг зашелестели, и я отпрянула от чёрного кота, выскочившего из-под покрытого белыми цветами куста. Он задел мою ногу и понёсся

вверх по лестнице, а у меня так перехватило дыхание, что пришлось снова нагнуться, опираясь на колени.

— Кайло, негодник! Ты опять удрал? — голос Мелинды пробился через призрачную неподвижность леса. Мало-помалу паника отступила, хотя кожу на затылке по-прежнему покалывало. Но смеялся явно не кот. Я была уверена, что это был детский смех.

— Кто здесь? — опять крикнула я.
Лес в ответ молчал.

Глава 3

Домик — если вы готовы назвать домиком несколько крытых тростником бунгало, связанных переходами, — располагался на плоском утёсе, обращённом к океану, на южной оконечности острова. Ближе к лесу был устроен бассейн в окружении шезлонгов и растений в кадках, ещё более редких, чем те, что росли в джунглях. И все они тоже были усыпаны белыми цветами.

Дэвид сам был владельцем сети дорогих отелей, и вместо того чтобы провести медовый месяц в одном из них, они с мамой решили отказаться от всего, что напоминало бы о настоящем отеле, — чтобы ему было легче отключиться от работы. Я толком не знала, как они вообще нашли этот остров, для

этого явно необходимо было знать кого-то, кто уже успел здесь побывать.

Было довольно странно в один миг стать очень богатой. Я так и не привыкла ни к массивному, полному мрачного эха особняку, где мы теперь жили и где у Дэвида имелась коллекция шикарных винтажных авто, ни к его манере платить за что угодно, даже не спрашивая о цене. И в какой-то мере эта тропическая глушь, или оазис на острове — как вы его ни назовите, — внесла в мою жизнь свежую струю. Дэвид не был мне отцом, и я не хотела привыкать к избытку комфорта и роскоши в его далёком от реальности образе жизни. Я всего лишь брала его взаймы до тех пор, пока мне в следующем году не исполнится восемнадцать и я не начну самостоятельную жизнь. Что бы сейчас ни происходило — это лишь временное отступление от нормального существования.

Мои пальцы нащупали серебряный образок на цепочке на шее и пробежались по чертам святого Брендана. Я не религиозна, но это небесный покровитель моряков и ныряльщиков. И я носила его как талисман на удачу. Теперь он стал напоминанием о том, чего я не смогу больше делать. Врачи твёрдо заявили, что я не должна нырять до тех пор, пока лёгкие не восстановятся полностью, и что на это уйдут месяцы, а то и годы. А может, этого вообще не случится.

— Адди! — меня звала Мелинда с порога одного из бунгало. Внутри над морем из синей плитки гордо плыла высокая белоснежная кровать. Стекланные двери с тюлевыми занавесками открыва-

лись на внутренний дворик на краю скалы с видом на океан.

— Твоя мама сказала, ты любишь синий. — Она поправила в вазе лилии величиной с мою голову. — Вот мы и решили, что это бунгало понравится тебе больше всего, но если захочешь, только скажи, и мы перенесём твои вещи, куда пожелаешь.

— Здесь замечательно. — Я скинула босоножки и с удовольствием почувствовала под ногами прохладный пол. — А у вас тоже есть свой дом?

— Мы живём на маяке, — улыбнулась в ответ Мелинда.

— Ух ты, потрясающе! — Никогда не думала, что такое возможно, но внезапно мне ужасно захотелось жить на маяке, чтобы кругом были лишь вода и небо.

— Нам нравится, — сказала она. — Приходи, когда захочешь, там прекрасный вид с самого верха.

Порыв ветра приподнял занавески. За распахнутой задней дверью бунгало зашелестела листва и закачались ветки кустов. У меня резко закололо в груди. Я поднесла руки ко рту, чтобы задушить приступ кашля, но не успела. На синей плитке появились алые капли. Мелинда снова возилась с цветами, и я наступила на пятно крови, чтобы она не увидела.

— А у вас есть... дети? — прохрипела я, вспомнив детский смех в лесу.

— Двое мальчишек. — Мелинда сорвала с лилии увядший лепесток и вздохнула. — Билли пятнадцать, и он сейчас принесёт сюда твои вещи. Ну а что касается его старшего брата, Шона, надеюсь, что он ещё покажется, хотя его невозможно ото-

рвать от бесконечных видеоигр. Ты ведь знаешь, как это бывает.

Мне вообще не хватало времени на видеоигры или телевизор... точнее, раньше не хватало — но я всё равно кивнула.

— И больше на острове никто не живёт?

— Никто, — сказала Мелинда. — Пока вы здесь, он остаётся вашим личным раем.

Меня покорило это слово. Рай — одно из возможных мест, куда я должна была попасть после смерти, но не попала. И каким бы великолепным ни был этот остров, он не мог стать для меня раем без погружений в воду. Не говоря уже о том, что в раю не место необъяснимому издевательскому смеху, который я слышала в лесу. Это могла оказаться птица — я понимала, что в джунглях водятся самые странные виды, — но это не делало перспективу слышать этот смех в течение двух недель более приятной.

На пороге возник костлявый белобрысый мальчишка с моим чемоданом. Он оказался сантиметров на пять ниже меня, и судя по тому, как он переминался босыми ногами, ему было не по себе.

— А вот и он! — воскликнула Мелинда. — Адди, это Билли.

— Приятно познакомиться, — сказала я.

— И мне. — Его веснушчатая физиономия залилась краской. — Куда это поставить?

— Можно на кровать, спасибо. — Я не привыкла, чтобы меня обслуживали другие люди, и, наверное, полагалось дать ему чаевые, но почему-то мне показалось это неправильным.